

Богословские труды, сб. 23, М., 1982, стр. 154—199; сб. 24, М., 1983, стр. 139—170.

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

СУД НАД ПАТРИАРХОМ

*«Абие зиждет во образ Иерусалимский
Воскресшаго велий храм, яко Палестинский...
Тая зря, диавол от злобы не престаёт,
Огнь себе погнещает, того изгоняет
От места сего, в нем же пожив девять годов,
Любезно совершая многих трудов...»*

Эти слова из стихотворной эпитафии Патриарху Никону, высеченной на камне у его гробницы, увековечили твердое убеждение сподвижников Никона в том, что он *пострадал из-за Нового Иерусалима*. Как мы видели в предыдущей главе, это вполне соответствует внутренней логике вещей и находит первое (но не единственное!) подтверждение в том, что разлад между Патриархом и царем начался одновременно с началом осуществления замысла о Новом Иерусалиме. Не был ли этот замысел той непосредственной причиной, которая вызвала «ревность» и раздражение Никоном у Алексея Михайловича? Если это так, то можно объяснить, почему именно в 1656 г. царь начал поддаваться клеветническим внушениям против Никона, которые он раньше отвергал. Станет понятно, почему именно в этом году произошла их первая ссора, почему впоследствии самодержец не смог возродить прежнее единение любви и согласия с Никоном. Ведь Алексей Михайлович как «собинный друг» Никона был посвящен в то великое кафолическое и эсхатологическое значение, которое придавалось Новому Иерусалиму. Это весьма возвеличивало Россию, но лишало должной остроты необходимость завоевания Палестины и присоединения ее вместе с другими восточными землями к державе русского царя. Замысел святителя Никона приходил в определенное противоречие с имперской доктриной Алексея Михайловича. В один злосчастный момент царь мог также увидеть, что воплощение замысла о Новом

Иерусалиме делало Патриарха Никона (да и любого на его месте) главной фигурой вселенской православной Экклесии, в духовном отношении гораздо более значительной, чем русский царь — эта «надежда и опора» всемирного Православия. Не отсюда ли возникло стремление оттеснить Никона, взять в свои руки управление церковными делами, сделаться непременно главным лицом в Церкви? Эта же причина может достаточно всесторонне объяснить и то, почему самодержцу стало нужно непременно низложение Патриарха и удаление его из Нового Иерусалима, почему после осуждения Никона Алексей Михайлович, так любивший жертвовать на строительство церквей и монастырей, остановил стройку Нового Иерусалима и не возобновлял ее до самой смерти (хотя сам же назвал это место «прекрасным подобно Иерусалиму»). До самой своей смерти этот царь, постоянно прося себе у Никона прощения и посылая ему богатую милостыню, так и не выпустил Никона из ссылки, когда тот просил только об одном — дожить свой век в Новоиерусалимском монастыре! Значит, для Алексея Михайловича было далеко не все равно, где именно будет под стражей содержаться низложенный Патриарх...

2 ноября 1666 г. Антиохийский Патриарх Макарий и Александрийский Паисий с великим почетом были встречены в Москве. После краткого отдыха 5 ноября ночью они были приглашены в столовую палату Алексея Михайловича и имели с ним длительную беседу, о содержании которой можно только догадываться по тому, как затем вершился суд над Никоном. В помощь Вселенским Патриархам был дан Лигарид, «знакомый с делом», от которого они, по словам царя, должны были «узнать всё подробно»¹⁸⁰. Кроме того, Макария и Паисия вводили в курс дела крайне враждебные Никону митрополит Крутицкий Павел и архиепископ Рязанский Иларион. Хорошо знаком с делом Никона был и Епифаний Славинецкий, но его не допустили к участию в Соборе. Не были предоставлены в распоряжение судей и записки Славинецкого в защиту Никона и написанное им «Деяние» Собора 1660 г. Зато Вселенские Патриархи получили обширную записку П. Лигарида. Она начиналась так: «Внемлите, племена народов, главы Церкви, равноангельные архиереи, небесные и земные чины и стихии, которых и Моисей призывает во свидетельство, — внемлите! Я открою вам, праведным судиям, козни бывшего Патриарха Никона...». И вслед за этим шла беспардонная и даже

довольно корявая клевета! Паисий утверждал, что Никон оскорбил всех Вселенских Патриархов, посягнув на достоинство каждого. Он хотел называться «патриархом и *папою*», нарушая должное почтение к Александрийскому Патриарху, который один только может иметь этот титул (следуют выписки из истории). Ничего подобного не было, в деле Никона не встречалось и не встретилось! Далее Паисий Лигарид утверждает, что Никон назвал себя Патриархом Нового Иерусалима. Это хотя и имело основания, но представлено в искаженном виде: Никон официально никогда себя так не называл. По словам Лигарида, Никон «хотел подчинить себе (!) и Антиохийский престол, стараясь обманчивою подписью и подложным сочинением быть *третьепрестольным...*». Такого тоже никогда и нигде не было; это чистая выдумка. А Константинопольский престол оскорблен Никоном, по словам Лигарида, тем, что Никон захватил Киевскую митрополию, называя себя Патриархом... «и Малыя России», тогда как она находится в юрисдикции Константинополя (тоже, в сущности, ложное обвинение). Все это было, конечно, рассчитано на то, чтобы, задев честь Вселенских Патриархов, возбудить их особое возмущение Никоном. Однако, если отбросить лживый, клеветнический характер этих главных обвинений Лигарида, их лукавую направленность, нельзя не заметить, что они, хотя в перевернутом, искаженном виде, как в кривом зеркале, отражают некую действительность, которая и впрямь является главной причиной осуждения Никона. Создавая в могучей России свой Новый Иерусалим, Никон как его «Патриарх» в самом деле приобретал невиданную католическую значимость и силу, в чем-то даже превосходившую значение четырех Вселенских Патриархов в том состоянии, в каком они тогда находились.

Далее в записке следовали часто употреблявшиеся обвинения против Никона — в гордости (не называл архиереев братьями и не советовался с ними, что неправда), в жестокости, грубости, в неправосудии, в незаконном захвате земель и средств монастырей для своих монастырских построек, в ношении титула «великий государь». Паисий «сдобрил» эти обвинения и множеством вздорных: Никон вместо синих скрижалей стал носить червленые; имел 80 саккосов и по 20 раз за одной литургией переоблачался, желая быть подобным Вышнему; расчесывался в алтаре перед зеркалом; приравнивал себя к святым, нося на главе корону или

диадему, был во второй раз рукоположен в архиерейский сан, когда возводился в патриаршество (?!) и т. п. Наконец, по словам Лигарида, Никон будто тем только и занимался, что, «запершись, считал золото, драгоценности и сибирские меха». Тут уж Лигарид приписывал Никону страсть, которая владела им самим! Газский митрополит так увлекся, что забыл в своей записке привести главную «официальную» вину Никона — оставление кафедры... Таковы «подробности», которые узнавали Патриархи от Паисия Лигарида, «знакомого с делом».

На предварительных заседаниях Собора по делу Никона Алексей Михайлович неоднократно и настойчиво указывал на «самовольный» уход Патриарха от правления как на главную его вину, которая привела Церковь к длительному «вдовству». В заседании 28 ноября 1666 г. возник вопрос, произнести ли приговор над Никоном заочно, не приглашая его, так как преступления его доказаны верными свидетелями, или вызвать его и допросить. Вселенские Патриархи, поддержанные большинством русских архиереев, сказали парю, что, по правилам, Никона нужно позвать на Собор и спросить, почему он оставил правление и ушел в монастырь, равно и о других винах. Тут же была составлена и отправлена с посольством грамота Никону, предлагавшая Русскому Патриарху «без всякого замедления», «со смирением» и «непременно» прибыть в Москву.

В полночь 1 декабря Никон подъехал к Никольским воротам Кремля.

Таким образом, «дело» Никона и приговор о нем были *предрешены заранее* настолько, что пришлось даже особо рассуждать о том, стоит ли выслушивать самого обвиняемого...

Как видим, в распоряжение Собора поступили два основных, главных обвинения. Одно из них можно назвать *главным фактически*. С полной ясностью оно не было сформулировано, но многое говорилось в духе этого обвинения. Оно состояла в том, что Никон вызывал *сильный царский гнев*, чему виной крайнее превозношение Патриарха, выразившееся в особенности в создании Нового Иерусалима.

Второе обвинение может быть названо *официально главным*. Оно указывало на оставление Никоном кафедры, «самовольный уход от правления».

Нетрудно видеть, что в основе, в подтексте обоих обвинений

лежало заведомо и сознательно «вставленное» сюда положение о непомерной гордости Никона, которая во всем проявлялась и всему была виной. В таком освещении «дело» Никона оборачивалось настолько не в его пользу, было так «ясно», что и впрямь не требовало особых разбирательств.

Автором такой интерпретации деяний и поступков Патриарха Никона следует признать Алексея Михайловича. Он достиг этого следующим способом. Отсекая от внимания судей весь характер и историю своих дружеских отношений с Никоном, не говоря ничего о подлинных причинах ухода Патриарха, царь выставлял на вид одно — Никон «самовольно», «ником не гонимый», даже не вняв его царским «уговорам» остаться, покинул правление Церковью и тем самым оставил ее «вдовой» на столь длительный срок. Из этого тезиса уже легко разворачивалось всё остальное, представляющее Никона как безмерного гордеца, поправшего и царскую милость, и свои архипастырские обязанности, превознесшегося даже и над Вселенской Церковью!

В Никоне никогда не было ни непомерной гордости, ни чрезмерного властолюбия, ни желания подчинить себе царя. Всё его могущество основывалось, главным образом, на глубокой личной дружбе и любви между ним и Алексеем Михайловичем. Никон был убежден, что такое согласие любви между главой Церкви и главой государства является единственно нормальным образом их взаимоотношений, исполнением духа и смысла всех канонов Церкви в вопросах патриаршей и царской власти, высшей правдой общественной жизни, правдой, которую хранит теперь только одна Россия и свидетельствует ее всему миру. Всё, на что решался святитель Никон в области своей архипастырской деятельности, было всегда согласовано с другом-царем или подразумевало его заведомое согласие. При этом Никон никогда не прибегал к человекоугодию, никогда не подкупал, не задабривал. Он был таким, каков есть, — прямым, бесхитростным, иногда резким. Власть почести он вменял ни во что, а ему такое отношение завистники вменяли в гордость! Патриарх Никон обладал огромной внутренней свободой. При условии православности государя и соблюдения им церковных канонов для Никона в отношениях с ним оставался лишь один вопрос: есть подлинная духовная дружба о царем или нет? Если есть, он готов был нести бремя патриаршей власти, если нет, то и ему Патриархом быть незачем; Церковь не

пострадает, выберут другого. И то, что столь долго на место Никона никого не избрали, не его вина, а, как было видно, исключительно вина самого царя. На Алексея Михайловича Никон всегда смотрел по-монашески, по-евангельски, по-братски: он был для него прежде всего братом во Христе, духовным сыном, другом (хотя и царского достоинства Никон никогда не унижал). Это-то и понравилось Алексею Михайловичу, таких человеческих и братских отношений он и желал, за это и полюбил Никона, предпочитая всему своему окружению! Люди, раболепствующие перед царями и сильными мира сего, всегда завидовали Никону и никогда не могли понять таких отношений его с государем.

...Теперь, перед судом Собора, чтобы как-то скрыть свою личную зависть к нарастающему всемирному авторитету Никона, Алексей Михайлович оттеснял главное фактическое обвинение на второй план, а на первый выдвигал обвинение официальное и формальное. Царь, кроме того, как бы устранял себя самого, свою прежнюю любовь и дружескую поддержку всех деяний Никона, и тем самым то, что могло быть судимо по «законам» любви и дружбы, ставилось перед судом по «букве» правил, канонов, перед судом сторонних людей. «Перестановка» обвинений затемняла дело, не давала возможности докопаться до причины того «царского гнева», из-за которого Никон покинул правление. А отсечение от внимания судей всей истории личной дружбы царя и Патриарха не давало возможности понять, почему Никон не мог «потерпеть» царский гнев. Отрекаясь от духа и смысла канонов, от духа любви, царь теперь ставил всё дело на «букву», и тогда нарушителем правил и канонов получался не он, а Никон, позволявший себе (во имя, любви и смысла святых канонов) «поносить», «оскорблять» царя, требовать от него послушания, самовольничать и т. д. Царь же по «букве» казался вполне в рамках правил и ничего не погрел, кроме разве одной любви!..

Утром 1 декабря 1666 г. состоялось первое (если не считать предварительных) судебное заседание Большого Московского Собора по делу Патриарха Никона¹⁸¹. Оно произошло в столовой палате царского дворца и было оформлено с величайшей пышностью и торжественностью. Присутствовали: митрополиты — Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Иона Ростовский, Павел Сарский (Крутицкий), Феодосии Сербский, Паисий Газский (Лигарид), Григорий Никейский, Косма Амасийский, Афанасий

Иконийский, Филофей Трапезундский, Феофан Хиосский; архиепископы — Анания Синайский, Симон Вологодский, Филарет Смоленский, Иларион Рязанский, Стефан Суздальский, Иоасаф Тверской, Иосиф Астраханский. Арсений Псковский, Манассия Погонийский; епископы — Александр Вятский, Лазарь Черниговский, Мефодий Мстиславский, Иоаким Сербский, а также 30 архимандритов и игуменов русских монастырей, архимандрит Александрийской Церкви Матфей, афонский архимандрит Дионисий, протосингел Александрийской Церкви Венедикт, игумен той же Церкви Леонтий и 12 московских протоиереев. На Соборе также присутствовал весь царский синклит (правительство).

За Никоном послали епископа Мефодия Мстиславского (младшего по хиротонии) и двух архимандритов. Никон, находившийся на отведенном для него Лыковом дворе у Никольских ворот, который был прочно отгорожен и окружен сильной стражей, собрался идти в преднесении большого выносного креста¹⁸². Посланные стали говорить, чтобы он не шел с крестом. Никон настаивал на своем. Послали гонцов к Собору. Собор указал идти без креста. Никон заявил, что иначе не пойдет. Мало-помалу уже вышли с крестом на крыльцо. Снова послали гонцов к Собору. Собор решил: «Пусть уже идет и со крестом», но твердо договорились, что когда Никон войдет, перед ним никому не вставать. Несмотря на ранний час, Кремль был запружен народом, сострадавшим своему Патриарху, так что Никон двигался с трудом, раздавая благословение. Как только в соборную палату внесли крест, царь встал, а за ним вынуждены были встать все. За крестом вошел Патриарх Никон. Ему предложили сесть. Но святитель, оглянувшись, увидел, что для него не приготовлено такого же кресла, на каких восседали Патриархи, и вообще никакого подобающего Патриарху места, а стоит простая скамья. Никон являлся еще законным русским Патриархом, ему еще не было предъявлено официальное обвинение в чем-либо, а между тем к нему относились как к уже осужденному. Поэтому сесть Никон отказался. Алексей Михайлович, увидя это, тоже встал с высокого раззолоченного трона и вышел перед Никоном. Хотели встать и Патриархи, но царь велел им сидеть. Итак, посреди большой палаты, посреди множества свидетелей, представлявших собой и Церковь, и государство, стали друг против друга, как на поединке, царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон.

Первым возвысил голос царь. Со слезами на глазах он сказал: «Святейшие Вселенские Патриархи! Судите меня с этим человеком! Иже прежде бысть нам истинный пастырь... посем же не вемы, что бысть ему, яко остави свою паству и град сей, и отыде в свой ему созданный Воскресенский монастырь...»¹⁸³. «И от этого его ухода многие смуты и мятежи учинились, Церковь вдовствует девятый год; допросите бывшего Патриарха Никона: для чего он престол оставил и ушел в Воскресенский монастырь?»¹⁸⁴.

Вот так предлагалось судить отдельно взятый факт — «самовольный уход».

Вселенские Патриархи спросили Никона, зачем он ушел. Никон ответил, что ушел из-за царского гнева, который обнаружился в определенных поступках царя. И поведал об оскорблении своего боярина 6 июля 1658 г., о том, как царь не наказал виновного, не пришел на богослужения 8 и 10 июля, как присылал Ромодановского сказать, что гневен на Никона и чтобы Никон больше не писался «великим государем». Видя гнев государев на себя, он, Никон, и ушел от правления.

Таким образом, Патриарх сразу выводил Собор на исследование самого главного — на вопрос о причинах царского гнева. Это было и предложением Алексею Михайловичу рассказать, почему он расторг свою дружбу и единение с Никоном. Всё теперь зависело от откровенности царя.

Царь, присевший во время объяснений Никона, снова встал и уже без слез начал... обманывать Собор самым неумелым образом. Он заявил, что никакого гнева не имел на Никона, не приказывал Ромодановскому говорить о гневе, а приказал только, чтобы Никон не назывался впредь «великим государем», потому что такие положено Патриархам, что сам он, царь, так назвал его, желая почтить, но ему, Никону, не приказывал, чтобы он себя так называл. Царь также сказал, что Хитрово «зашиб» патриаршего боярина «за невежество, что пришел не во время», и это бесчестие к Патриарху не относилось, что он, государь, не приходил на богослужения в указанные дни «за множеством государственных дел».

Но почему царь именно *теперь* потребовал от Никона не называться «великим государем», если уже давно сам его так начал называть и, как мы видели, допустил этот титул даже в печатных книгах, никогда раньше не упрекал в этом Патриарха? Почему царь

в этот раз не пригласил Никона к торжественному обеду с иноземным гостем, что раньше всегда делал? Почему в эти именно дни государственные дела помешали ему прийти на патриаршие службы, тогда как ранее никакие подобные дела никогда не препятствовали молиться вместе с Патриархом? Ничего этого царь не объяснил, и таких вопросов никто ему не задал.

Зато Никона спросили, какие обиды были ему от царя. Никон отвечал: «Никаких обид не бывало, но когда он начал гневаться и в церковь ходить перестал, то я патриаршество и оставил». (Никон вновь попытался вернуть всех к рассмотрению самого важного!) Но Собор уходит в сторону. Спрашивают архиереев: какие обиды были Никону от государя? Архиереи отвечают: «Никаких». Никон в третий раз заявляет: «Я об обиде не говорю, а говорю о государеве гневе: и прежние Патриархи от гнева царского бегали — Афанасий Александрийский и Григорий Богослов». Собор снова уклоняется от существа дела; Патриархи говорят, что Никон ушел не так, как те святители, но «отрекся», что впредь ему не быть Патриархом, если же будет Патриархом, то «анафема будет». Никон опроверг это обвинение: «Я не так говорил, а говорил, что за недостойность свое иду, а если бы я отрекся от патриаршества с клятвою, то не взял бы с собой святительские одежды». Паисий и Макарий сказали, что Никон, снимая святительские ризы, произнес тогда «анаксиос» (недостойн). Никон: «Это на меня выдумали». Собор умолк, возник опасный момент, когда могли вернуться всё же к рассмотрению главного вопроса, составлявшего всю сущность дела, — о причинах царского гнева на Никона. «Спасать положение» устремился сам Алексей Михайлович. Он заявил: «Никон писал в грамотах к Святейшим Патриархам на меня многие бесчестия и укоризны, а я на него никакого бесчестия и укоризны не писывал». И царь предложил далее читать перехваченную грамоту Никона к Константинопольскому Патриарху Дионисию.

Чтение личного письма Никона, часто прерываемое возгласами возмущения или вопросами Никону, содержало рассказ русского Патриарха о его борьбе с притязаниями царя на управление церковными делами, о различных явлениях в русской церковной жизни, требовавших исправления. Когда дошли до места, где Никон упоминал о том, как ездил на Соловки за мощами митрополита Филиппа, которого замучил «царь Иван неправедно», Алексей Михайлович, словно увидев намек на самого себя,

возмутился: «Для чего он такое бесчестие царю Ивану Васильевичу написал, а о себе утаил, как он низверг без Собора Павла, епископа Коломенского». Никон ответил, что об извержении Павла есть «дело на патриаршем дворе». Ему возразил Павел Крутицкий, сказав, что такого дела нет. Препираться Никон не стал. Но вот прочитали в письме об истории важнейшей и самой главной. Никон писал о том, как вначале царь был «благоговеен и милостив», а как окончил литовскую войну (т. е. с начала 1656 г.), «тогда нача по малу гордети и выситися и нами глаголемая от заповедей Божиих презирати и во архиерейские дела вступатися»¹⁸⁵. В *этих* словах, хотя и кратко, но очень точно и определенно было сказано о *конкретной причине всего «дела» Патриарха Никона*. Естественны были бы вопросы: в самом ли деле в царе произошла *такая перемена и он стал выходить из послушания Церкви, разрывать единство любви и согласия с Патриархом и почему, по каким причинам?* Алексей Михайлович не мог не понять, что это место в письме требует его рассказа о взаимоотношениях между ним и Патриархом, начиная с 1656 г. Но, уклоняясь в сторону, Алексей Михайлович задает очень выгодный для себя вопрос: «Допросите, в какие архиерейские дела я начал вступаться?»

Казалось бы, тут Никон мог произнести целую речь о посягательстве царя на «обладание Церковью», что он (Никон) не раз делал довольно пространно в письменном виде. Но Никон молчал. Возникла пауза. От него ждали ответа, но не дождались: он молчал.

Стали читать дальше и быстро дошли до места, где Никон пишет о том, как он оставил патриаршество «ради царского гнева». Алексей Михайлович прервал чтение: «Допросите Никона, какая ему от меня немилость или обида, кому заявлял он о моем гнѣве, сходя с престола, присылал ли я к нему, чтобы он с престола сошел, и отрекался ли он от патриаршества в соборной церкви». Никон повторил всё то, о чем уже было говорено. «Государев гнев я объявил небу и земле; патриаршества я не отрекался», — заявил Никон, выразившись о своем уходе: «сошел с престола» (т. е. удалился от правления делами Церкви).

Рассуждения Собора, описав некий круг, вновь вернулись к той точке, с какой начались. Но почему Никон смолчал по вопросу, о котором так много раньше говорил? Увидев, как Алексей Михайлович ускользнул от объяснения самого существенного во

всем деле. Патриарх теперь ясно понял, чего добивался государь. Никон знал к тому времени, как решают вопрос о приоритете царской власти в церковных делах греческие иерархи. На всё, что бы ни сказал он о вмешательстве царя в архиерейские дела, был бы немедленно дан ответ: царь имеет на это право! Обвинить Алексея Михайловича могли разве в том случае, если бы он сам рукоположил кого-то в священный сан или совершил Божественную литургию...

Ясно стало, что Собор не будет расследовать важнейшие причины разлада между царем и Патриархом, а сосредотачивает внимание на том, чтобы непременно найти такие «вины», за которые можно было бы осудить Никона. Собор становился не судом, а судебной расправой. Честного «поединка», а вернее сказать — честного и откровенного объяснения между царем и Патриархом перед лицом Церкви не состоялось: царь скрывал правду от Собора, прибегал к хитростям и уловкам и тем самым предавал своего друга на заведомое осуждение. Никон это понял. Больше он уже не ждал и не добивался действительного расследования, только отвечал на вопросы кратко, как бы поневоле, внутренне смирившись со всем, иногда оживляясь горькой иронией.

Дальше всё покатило уже как под гору. При чтении письма Никона Дионисию особое возмущение вызвало то место, где Никон, считая Паисия Лигарида «папистом» и «еретиком», указывал на недопустимость его участия в управлении Русской Церковью. Это участие, по словам Никона, выразилось в том, что на одном из Соборов «по благословению» Паисия рукоположили чудовского архимандрита Павла в митрополита Крутицкого (Сарского), а митрополита Питирима перевели на Новгородскую кафедру «и иных епископов по иным епархиям многим; и от того их беззаконного Собора, — писал Никон, — преста на России Святыя Восточныя Церкви единение и ваше благословение, но от римского костела начатки восприяли, по своим их волям»¹⁸⁶.

Мысль Никона была слишком решительна хотя бы потому, что приверженность Лигарида «римскому костелу» нуждалась в точных доказательствах, которыми Никон не располагал. Газский митрополит являлся главным помощником Алексея Михайловича в подготовке всего Собора и дела против Никона. Такой удар по Лигариду мог подорвать всё, на чем основывался царь. И царь

воскликнул: «Никон нас от благочестивой веры и от благословения святых Патриархов отчел и к католицкой вере причел и назвал всех (?!) еретиками... и за то его ложное и затаенное письмо надобно всем стоять и умирать (?!) и от того очиститься». Никона обвинили в оскорблении Русской Церкви. Он заметил царю: «Только бы ты Бога боялся, ты бы так со мной не делал».

В связи с чтением письма были затронуты и многие другие вопросы. В конце грамоты Никона прочли: «Писася в строении нашем, в Новом Иерусалиме Воскресенского монастыря». Патриархи спросили, зачем он так написал. Никон ответил, что переведено не совсем точно, но хотя у него и написано: «в Новом Иерусалиме, но только намерение и устремление его к Горнему Иерусалиму, где он хотел бы быть священником».

Так в самом конце заседания, которое продолжалось с раннего утра до глубокой ночи, подошли к очень важной теме о Новом Иерусалиме. Но рассматривать ее не стали. Никон сказал царю: «Бог тебя судит; я еще при избрании своем узнал, что тебе, государю, быть добру ко мне только до шести лет, а потом быть мне возненавидимым и мучимым». Царь тут же придрался: «Допросите его, как он то узнал на избрании своем?» На вопрос Патриархов святитель Никон ничего не ответил. Но своим замечанием он дал повод противникам высказаться о себе лично. О том, как это происходило, Шушерин пишет: «Посем же ласкатели и угодницы, паче же рещи, на святейшаго Никона Патриарха клеветницы: Павел митрополит Сарский, Иларион Рязанский, Мефодий епископ Мстиславский начата всякия своя ложныя клеветы испущати со всяким дерзновением и нелепыми гласы зияти, ов сие ин иное, и вси вкупе разная кричаша... яко на сие и подущени быша... Яко звери дивии обскачуше блаженного Никона, рыкающе и вопиюще... и бесчестно всячески кричаху лающе; прочие же от архиепископов и от прочих священнаго чина никто же ничто не глаголюще. ...Такожде и царский синклит... ничто не вещающе»¹⁸⁷. В такой обстановке Патриархи сочли за благо закрыть заседание и всем разойтись.

Дальнейшие соборные заседания проходили на редкость бессистемно. Не успев выяснить один вопрос, перескакивали на другие. Но всё же можно выделить то, что главным образом интересовало судей: они во что бы то ни стало старались обвинить Никона в беспричинном, самовольном оставлении патриаршего

правления с отречением от сана Патриарха и с клятвой никогда не возвращаться на престол. Об этом говорили многократно. Никон сумел очень убедительно показать, что от сана никогда не отрекался и клятвы не произносил, а сказал: «Не буду больше Патриарх» в том смысле, что не станет править Церковью, пока на нем царский гнев или пока на его место не изберут другого Патриарха, но законно, с его, Никона, участием. Судьи не находили нужных возражений; по всему было видно, что уход Никона действительно был таким, каким его и представлял русский Патриарх¹⁸⁸.

Алексей Михайлович ясно видел, что Никон воспринимает соборный суд над ним как царскую расправу. Самодержец знал, что так это и есть, но ему непременно нужно было скрыть свое давление на Собор, придать делу видимость непреднамеренности и справедливости. От этого зависел и царский престиж, и законность соборных решений. В один из тех моментов, когда заседание превратилось в беспорядочный поток перебивавших друг друга выступлений против Никона, царь встал со своего места и подошел к Патриарху. Он взял его за четки и, перебирая их, начал говорить с Никоном тихо, так что никто, кроме стоявших рядом монахов — спутников Никона, ничего не слышал. Царь спросил: зачем Никон перед отъездом на Собор исповедовался, соборовался и причащался, «аки бы к смерти готовяся», и тем самым наносил «зазор и бесчестие» царю? Патриарх ответил, что действительно ждет от него всяких бед, вплоть до смерти. Царь стал клятвенно уверять, что в мыслях не имел никакого зла на Никона, помня его «многая и неисчетная к дому его и к царице и к детям благодеяния», когда тот спасал их во время «моровой язвы». Никон, «удерживая государя рукою, тихо рече: благочестивый царю, не возлагай на себя таковых клятв, веру же ми ими, яко имаши навести на мя вся злая и беды и скорби от тебя готовятся нам зело люти», «зане гнев ярости твоя, начатый на нас, хочет конец прияти». Царь еще спросил, зачем Никон писал Патриарху Дионисию «укоры» на него, ибо для него от этого «великий зазор», па что Никон заметил, что не следовало на Соборе придавать огласке то, что он писал Дионисию «духовно и тайно»...¹⁸⁹.

В достоверности этого рассказа Шушерина, записанного со слов очевидцев — спутников Патриарха, не приходится сомневаться. Они могли передать не со всей точностью слова

разговора, но общее содержание должны были помнить хорошо, что подтверждают указания на мелкие, но очень характерные детали, каких выдумать невозможно (царь взял Никона за четки, как бы машинально перебирая их, а Никон касался царя рукой, как бы удерживая от клятв. Это — жесты, оставшиеся от прежних отношений двух близких друзей).

Что же мог означать этот довольно странный, «не судебный» разговор? Алексей Михайлович решил попытаться в доверительной беседе убедить Никона в том, что он, царь, как благодарный друг, не может хотеть никакого зла Патриарху! Но Никон этой игры не поддержал. Прямо и точно он заявил, что именно зла ему царь и хочет и не может не хотеть! Ибо то самое восстание («гнев») царя против Патриарха, которое началось в 1656 г. и явилось главной фактической причиной всего дела, — не случайное чувство, не вспышка страсти; оно имеет очень глубокие основания и не может «конец прияти», удовлетвориться не чем иным, как только полным лишением Никона всякого значения в Церкви! Всё дальнейшее вплоть до кончины Алексея Михайловича подтвердило верность этого утверждения.

На Соборе святитель Никон несколько раз пытался подсказать судьям и царю, что они могут обойтись без тяжких препирательств о частностях, заявляя: «Я не отрекался от престола», но «не имею притязания быть опять на престоле», «не домогаюсь вновь патриаршества и теперь иду, куда великий государь изволит: благое по нужде не бывает»¹⁹⁰. Иными словами, только при условии любви и дружбы с царем, а не против его воли (не «по нужде») он, Никон, мог бы оставаться Патриархом; он готов идти в любую ссылку, и нечего больше трудиться над подысканием заведомо предвзятых обвинений. На эти неоднократные предложения Никона никто не реагировал; машина судебной расправы набрала слишком сильный ход, чтобы так просто остановиться. Тогда Никон неожиданно сделал выпад, который должен был если не остановить совсем эту машину, то во всяком случае очень серьезно подорвать у всех доверие к канонической законности суда (оружие канонической «буквы» Патриарх сам обратил теперь против тех, кто избрал его своим единственным средством).

«Слышал я от греков, что на Антиохийском и Александрийском престолах теперь иные Патриархи сидят», — сказал Никон и предложил царю велеть Патриархам Макарию и

Паисию засвидетельствовать на Евангелии, что они в настоящий момент действительно являются предстоятелями Антиохийской и Александрийской Церквей¹⁹¹. Собор замер! Вселенские Патриархи сказали: «Мы Патриархи истинные, не изверженные, и сами не отрекались от престолов своих: *разве турки без нас что сделали, но если кто дерзнул на наши престолы беззаконно, по принуждению султана, тот не патриарх, прелюбодей...*».

Казус состоял в том, что когда Макарий и Паисий отправились в Россию для суда над Никоном, церковные Соборы по указке турецких властей и не без участия Константинопольского Патриарха Неофита и Иерусалимского Нектария действительно лишили Макария и Паисия престолов и избрали на их место других Патриархов. Сведения об этом Макарий и Паисий получили еще при самом въезде в Россию, но *скрыли это обстоятельство от русского правительства!*

Заявление Никона означало: «Вы, называющие себя Вселенскими Патриархами, хотите лишить меня патриаршего достоинства, но ведь вас самих лишили его (!), вас сместили под давлением султана, но сами вы здесь не под царским ли давлением судите меня?!» Все это было прекрасно понято отцами Собора, царем и его синклитом. Особое впечатление произвело при этом то, что в ответ на предложение Никона Макарий и Паисий *отказались* присягнуть на Евангелии в том, что они не изверженные Патриархи.

С этого момента суд над Никоном поспешили закончить. Однако всё дело Алексея Михайловича по созданию видимости справедливого авторитетного «вселенского» суда в корне пошатнулось. Скоро царю пришлось убедиться в том, что святитель Никон сообщил точные сведения. Алексей Михайлович вынужден был ходатайствовать перед султаном, перед Константинопольским и Иерусалимским Патриархами о возвращении Макарию и Паисию утраченных престолов, но безуспешно. Пришлось ему ходатайствовать и о снятии запрещения с Газского митрополита Паисия Лигарида, которое, как выяснилось, было давно наложено на него Иерусалимским Патриархом. По просьбе царя Иерусалимский Патриарх сначала разрешил Паисия Лигарида, но через два месяца снова проклял, будучи убежден в том, что он католик и содомит. Оказалось, таким образом, что главный устроитель судебной расправы и главнейшие судьи в момент

Собора не имели канонического права судить Никона! Все основные деятели этого суда кончили жизнь самым несчастным образом: Александрийский Паисий сделался изгнанником, Антиохийский Макарий вскоре умер в турецкой тюрьме, обвиненный в каких-то финансовых преступлениях, Паисий Лигарид был удален из Москвы, но не выпущен из России и умер в киевском монастыре, находясь в запрещении, так и не увидев родины и своей митрополии, о которой он, впрочем, меньше всего заботился¹⁹².

Последнее заседание соборного суда состоялось 12 декабря 1666 г. в небольшой Благовещенской церкви Чудова монастыря в Кремле. Никону торжественно вынесли окончательный приговор. Приговор был оформлен в виде грамоты на греческом языке, переведенной на русский, и носил название «Объявление о низложении Никона».

Русскому Патриарху были «объявлены» следующие провинности:

1. Никон сам сложил с себя всё архиерейское облачение среди великой церкви, вопия: «Я более не Патриарх Московский и не пастырь, а пасомый и недостойный грешник»; потом с великим гневом и поспешностью отошел и оставил свою кафедру и вверенную ему паству самовольно, без всякого понуждения и нужды, увлекаясь только человеческою страстию и чувством мщеничества к некоему члену синклита, ударившему патриаршего слугу и прогнавшему от царской трапезы.

2. Никон, хотя с притворным смирением, удалился в созданный им монастырь будто бы на безмолвие, на покаяние и оплакивание своих грехов, но там, вопреки 2-му правилу Собора, бывшего во храме Святой Софии, совершал всё архиерейское и рукополагал невозбранно (именно потому, что от патриаршего сана он не отрекался!), и назвал тот свой монастырь Новым Иерусалимом и разные места в нем Голгофою, Вифлеемом, Иорданом, как бы глумясь над священными названиями, а себя хищнически величал патриархом Нового Иерусалима.

3. Хотя совершенно оставил свою кафедру, но коварно не допускал быть на ней иному патриарху, и государь, архиереи и синклит, понимая это лукавство, не осмеливались возвести на московский престол иного патриарха (сильное искажение: не Никон, а царь коварно хотел поставить) иного патриарха без

законного участия Никона), да не будут разом два патриарха: один вне столицы, другой внутри, да не явится сугубое разноначалие, что и заставило государя пригласить в Москву восточных Патриархов для суда над Никоном.

4. Анафематствовал местных архиереев без всякого расследования и соборного решения и двух архиереев, присланных к нему от царя, назвал одного Анною, другого Каиафою, а двух бывших с ними царских бояр — одного Иродом, другого Пилатом.

5. Когда был позван нами. Патриархами, на Собор, дать ответ против обвинений, то пришел не смиренным образом (?!) и не переставал осуждать нас, говоря, что мы не имеем своих древних престолов, а обитаем и скитаемся один в Египте, другой в Дамаске.

6. Наши суждения, изложенные в свитке четырех Патриархов («томосе» 1663 г. — *Прот. Л.*) против его проступков, и приведенные там священные правила называл баснями и враками; отвергал вообще, вопреки архиерейской присяге, правила всех Поместных Соборов, бывших в Православной Церкви после Седьмого Вселенского Собора (неправда; Никон не признал лишь 13-го правила Перво-Второго Собора в изложении греческого Номоканона), а наши греческие правила с великим бесстыдством именовал еретическими потому только, что они напечатаны в западных странах (это Никон говорил).

7. В грамотах своих к четверем восточным Патриархам, попавших в руки царя, писал, будто христианнейший самодержец Алексей Михайлович есть латиномудренник (неправда!), мучитель, обидчик, Иеровоам и Озия.

8. В тех же грамотах писал, будто вся Русская Церковь впала в латинские догматы и учения (неправда!), а особенно говорил это о Газском митрополите Паисий, увлекаясь чувством зависти (?!).

9. Низверг один, без Собора (не проверено!) Коломенского епископа Павла и, расшвырянув, совлек с него мантию и предал его тягчайшему наказанию и биению (не установлено!), от чего архиерею тому случилось быть как бы вне разума, и никто не видел, как погиб бедный: зверями ли растерзан, или впал в реку и утонул (значит, если и были «биения», то уже в ссылке, не по вине Никона).

«Мы, — писали Патриархи в заключение, — на основании канонов святых апостолов и святых Соборов Вселенских и Поместных, совершенно извергли его (Никона) от архиерейского

сана и лишили священства, да вменяется и именуется отныне простым монахом Никоном, а не Патриархом Московским, и определили назначить ему местопребывание, до конца его жизни, в какой-нибудь древней обители, чтобы он там мог в совершенном безмолвии оплакивать свои грехи»¹⁹³

Выслушивая эти обвинения, Патриарх Никон, по свидетельству Паисия Лигарида, «подсмеивался»... И было над чем!

Приговор был вынесен 12 декабря. А затем 13 декабря в приговор вписали¹⁹⁴ и еще одно, десятое, обвинение: «Даже отца своего духовного (Леонида) велел безжалостно бить и мучить целых два года, вследствие чего он сделался совершенно, расслабленным, как то мы видели своими глазами, и, живя в монастыре, (Никон) многих людей, иноков и бельцов, наказывал градскими казнями, приказывая одних бить без милости кнутами, других — палками, третьих — жечь на пытке, и многие (?) от этого умерли, как свидетельствуют достоверные свидетели». Никаких свидетелей, кроме Леонида, рассказавшего лишь о себе, не было; о «градских казнях» только за день до этого велено было расследовать «тихим образом»¹⁹⁵ — значит, никто толком не знал о них. Конец — делу венец... А в самом конце судебного «дела» Патриарха Никона оказывается незаконная вставка, мелкий подлог. Это своеобразная печать, как бы знаменовавшая собой несправедность и подложность всего судебного процесса над русским Патриархом. Зачем всё же понадобилась такая юридическая махинация, если Никон был уже осужден, извергнут? Инициатива с последним обвинением принадлежала Алексею Михайловичу. Значит, он хорошо понимал, что приговор состоит почти сплошь из неправды, натяжек, преувеличений, искаженных толкований неосторожных слов и поступков Никона, обвинений, основанных на непроверенных, невыясненных данных. А те обвинения, которые вполне соответствуют правде, настолько несущественны, что из-за них незачем было устраивать «вселенский суд» над Никоном...

Никон был прав, когда говорил, что Вселенские Патриархи творили суд, заботясь лишь о том, чтобы угодить царю. Ими руководили корыстные материальные расчеты, о которых они с предельной откровенностью поведали сами в письме к Константинопольскому Патриарху¹⁹⁶. Извещая о суде над Никоном,

Макарий и Паисий писали: «Обретохом же бывшего Патриарха Никона премногим винам должна и повинна, *яко досади своими писаньми крепчайшему царю нашему...*». Вот, оказывается, какова была первая вина Никона с точки зрения судей! Патриархи почти точно назвали основную фактическую причину «дела» Никона — разлад с царем. Только исследовать ее в качестве главного официального обвинения судьи не стали! И вот почему. «Обаче и обычной милостыни великому престолу (Константинопольскому. — *Прот. Л.*) и прочим убогим престолом даянной *надеемся обновитися*: паче же большей и довольнейшей быть (!). И о том всеми силами тщимся... во еже бы исполнитися оной притче: яко брат братом пособствован спасается, и да друзи будут *в нуждах полезны*», — писали судьи Патриарха Никона.

Письмо Константинопольскому Патриарху и подобное же послание — Иерусалимскому написаны сразу после вынесения приговора и до избрания нового русского Патриарха, т. е. по свежим впечатлениям. Поэтому особый интерес представляет то понимание главных преступлений Никона, какое выражено здесь (с этим пониманием Макарий и Паисий вели весь судебный процесс).

В письме к Патриарху Константинопольскому *первой* виной Никона, как мы видели, указывается «досаждение крепчайшему царю». Второй виной названо то, что Никон «соблазнил пресветлый синклит (придворную знать), укоряя его». Третьей виной Патриархии считают то, что Никон, оставив правление, девять лет держал Церковь «во вдовстве». «*Паче же*», т. е. более всего (!), повинен Никон, по словам Патриархов, в том, что «по совершенном от престола отречении... паки литургиса и хиротониса, действуя вся приличная архиерейскому достоинству... ругаяся купно священным, некими своими новыми и суетными именованьми, нарицая себе самого, аки сам ся хиротониса, Новаго Иерусалима патриархом». Других вин в письме не перечисляется.

Особого внимания заслуживает последняя вина, в которой Никон повинен «паче» всего. Она формулирована почти так же, как и в приговоре, где поставлена вторым пунктом, и состоит из двух взаимосвязанных частей: 1) отрекшись, продолжал архиерействовать, 2) как «Патриарх» Нового Иерусалима.

В письме к Иерусалимскому Патриарху, как и следовало ожидать, эта вина также указана и подчеркнута, ибо в предвзятом толковании она как бы задевала честь Иерусалимского престола.

Однако вина не просто указана, а ей придано решающее значение, и вся мысль Макария и Паисия выражена следующим образом. Они пишут, что обнаружили за Никоном и «вящшие вины», кроме тех, которые рассматривали четыре Патриарха в «томосе» 1663 г., но их не следует «предавать писанию», так как «епистолия не имеет в себе что-либо тайно. Едино се довлеет (т. е. довольно только одного главного) яко многая и превеликая быша *внутренняя болезнь* многих лет достойнейшему царю, иже аки от источника изливаше слезы от своих очес, даже земле палаты омочитися ими... ибо в такое прииде напыщение гордостный Никон, якоже сам ся хиротониса *Патриархом Нового Иерусалима*, монастырь бо, его же созда, нарече Новые Иерусалимом со всеми окрест лежащими: именуя Святый Гроб, Голгофу, Вифлеем, Назарет, Иордан»¹⁹⁷. Дальше речь в письме уже идет не о преступлениях Никона, а об образе действий Макария и Паисия.

Итак, «внутренняя болезнь» (какое точное выражение!) «достойнейшего царя», которой он мучался «много лет», «изливая слезы», происходила оттого, что *Патриарх Никон своим значением и авторитетом стал возвышаться более царя, особенно в связи с созданием Нового Иерусалима!*.. Оказывается, в глубине души судьи прекрасно поняли подлинную суть дела.

Извержение Никона предпочли сотворить в небольшой церкви Чудова монастыря, подальше от «всенародного множества Российской земли». Укоряемые совестью и боясь народа, они действовали, по словам Никона, «яко татие». А народ волновался и ждал. Несмотря на всё влияние официальных правительственных мнений о деле Патриарха и яростные нападки на него приверженцев старообрядчества, каких в Москве тогда было очень много, православный народ любил святителя Никона и болезновал о нем. В день объявления приговора Кремль был заполнен людьми. Выйдя на площадь, Никон промолвил: «О Никоне! Се тебе бысть сего ради: не говори правды, не теряй дружбы; аще бы уготовлял трапезы драгоценныя и с ними вечерял, не бы тебе сия приключшася...»¹⁹⁸. Сани, на которых повезли Никона из Чудова монастыря, окруженные сильной воинской стражей, сопровождаемые Спасо-ярославским архимандритом Сергием, едва двигались в толпе. Из народа обращались к Патриарху взволнованные голоса, он отвечал. Но как только начинал говорить, Сергей запрещал: «Молчи, Никоне!» Никон передал эконому

Воскресенского монастыря: «Скажи Сергию, если он имеет власть, пусть придет и зажмет мне рот». Эконом исполнил поручение, назвав Никона «Святейшим Патриархом». Сергей закричал: «Как ты смеешь называть Патриархом простого чернеца!» Тогда из толпы раздался голос: «Что ты кричишь? Имя патриаршее дано ему свыше, а не от тебя, гордого!». Смельчака тут же схватили и отвели «куда следует»¹⁹⁹. В покои к Никону пришли от царя и принесли меха, деньги и дорогую шубу. Никон не принял даров. Ему передали, что царь просит себе и своему дому благословения (?!). Никон благословения не дал. Время до отъезда он провел в молитве, чтении «Толкований Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла» и беседах с близкими. «Боящиеся народного возмущения», власти нарочно пустили слух, что низложенного святителя повезут через Спасские ворота на Сретенку. Толпа хлынула в Китай-город. Тогда отряд стрельцов в 200 человек быстро вывез Никона через Арбатские ворота на Каменный мост. У земляного города усиленная охрана сменилась отрядом в 50 человек под командой полковника Аггея Шепелева, и Никона не просто повезли, а помчали в Ферапонтов монастырь па Белоозеро, где и назначено было ему место заточения. С Никоном добровольно поехали в ссылку иеромонахи Памва, Варлаам, который стал духовником Патриарха иеродиаконы Маркелл и Мардарий, монахи Виссарион и Флавиан. Поехали бы и многие другие, но правительство разрешило лишь нескольким человекам.

Никона осудили. Но этим не решилась важнейшая проблема, возникшая в связи с его «делом»: кто «преболе» в делах церковных — царь или Патриарх? 14 января 1667 г. в патриарших палатах состоялось заседание Собора для подписания акта о низложении Никона (вот когда собрались подписывать документ, на основании которого уже низложили и сослали Патриарха!). Текст этого документа был составлен согласно «томосу» 1663 г. и содержал некоторые выдержки из него. В частности, из «томоса» было заимствовано то место, где говорилось, что всеми «благоугодными» делами владычествовать подобает одному государю, «Патриарх же должен быть ему послушен», как лицу, находящемуся «в вящем достоинстве» (по сравнению с Патриархом!?) и являющемуся «местником (наместником?) Божиим...»²⁰⁰. Русские архиереи увидели в этом унижении патриаршего достоинства то же, что видел и Никон и о чем с такой

скорбью и болью свидетельствовал всему свету, — незаконное превозношение царской власти над церковной, стремление царя своевольно управлять церковными делами. Как только акт о низложении Никона был прочитан, Павел Крутицкий и Иларион Рязанский, поддержанные рядом архиереев, отказались подписывать его, выразив решительное несогласие с учением о царской и патриаршей власти. Оба они, к великому удивлению царя. Патриархов и синклита, демонстративно покинули Собор.

Патриархи поспешили закрыть заседание, предложив архиереям обсудить на дому вторую главу «томоса», откуда было взято указанное место, и представить свои соображения. 16 января было собрано второе заседание по одному этому вопросу. Часть архиереев составили записки, где доказывалось превосходство епископского сана над царским. Но нашлись и такие, которые отдали предпочтение царской власти. Сначала читали записки первого рода. В них содержались яркие, убедительные цитаты о высоте и величии священного сана из творений святителей: Иоанна Златоуста, Епифания, Григория Богослова. Григория Двоеслова и других. Превосходство епископского сана перед любым мирским было так ясно выражено у святых отцов, что мысли сторонников иной точки зрения бледнели и выглядели определенно ошибочными. Тогда «защищать» приоритет царской власти взялся Паисий Лигарид. Вот когда ему особенно потребовались его демагогические способности. Он разглагольствовал часами (!), никем не останавливаемый. Паисий давал свои искаженные толкования святоотеческой мысли, стараясь преуменьшить ее силу в определении высоты священства, вспоминал историю Царств Иудейского и Израильского, по особенно упирал на ту высоту императорской власти, какая была свойственна языческому Риму, древнему Египту и другим великим языческим империям древности!..

С раннего утра до позднего вечера шло это заседание. Все устали. Вопрос о «царском служении» был отложен на следующий день. 17 января собрались вновь. Лигарид произнес длинейшую речь в пользу приоритета царской власти во всех областях жизни, в том числе и в церковной. Он основательно «подкреплял» свои доводы... пламенными похвалами лично Алексею Михайловичу, перечислял его победы, его заботы о Церкви, благочестие, призывал всех молиться за него (как будто русские архиереи

недостаточно молились за царя!)... Лигарид брал измором. Заседание опять затянулось до ночи.

В ночь на 18 января Павел Крутицкий и Иларион Рязанский, не принимавшие участия в прениях, тайно подали Вселенским Патриархам особое послание, разъясняющее их позицию, где, в частности, говорилось: «Вы находитесь под властью неверных агарян, и если страдаете, то за ваше терпение и скорбь да воздаст вам Господь. А мы, которых вы считаете счастливыми, как живущих в православном царстве, мы трикратно злополучны: мы терпим в своих епархиях всякого рода притеснения и несправедливости от бояр, и хотя большею частью стараемся скрывать и терпеливо переносить эти неправды, но *ужасаемся при мысли, что это зло с течением времени может увеличиваться и возрастать, особенно если будет утверждено за постоянное правило, что государство выше Церкви. Мы полне доверяем нашему доброму и благочестивейшему царю Алексею Михайловичу, но мы опасаемся за будущее*»²⁰¹.

Итак, дело, за которое всю жизнь боролся Патриарх Никон, оказалось подхвачено его самыми главными врагами... Трудно представить более яркое свидетельство правоты этого дела! Мысли Павла и Илариона были настолько искренни, убедительны и прозорливы, что не могли не оказать влияния на Вселенских Патриархов, тем паче, что эти мысли принадлежали не сподвижникам «гордостного Никона», а его врагам. Так обнаружилось, что борьба с притязаниями царской власти на господство в церковных делах проистекала не от «папистских» замыслов Никона, мечтавшего о некоей теократии; она была *выражением соборной воли и соборного сознания Русской Православной Церкви, стремлением оградить Церковь и духовную жизнь России от абсолютистских посягательств царского самодержавия.*

Получив это послание, Вселенские Патриархи той же ночью вызвали к себе Паисия Лигарида. Он опять пустился в лицемерную демагогию о превосходстве царской власти. Его выслушали, но выводы сделали на сей раз свои собственные.

На следующий день, 18 января 1667 г., состоялось новое, третье, заседание Большого Собора, посвященное вопросу о царской и церковной власти. Были прочитаны новые записки архиереев, выслушаны длинейшие разглагольствования Паисия

Лигарида, пересыпанные похвалами царю Алексею Михайловичу. Последнее слово предоставлялось Вселенским Патриархам. Они изрекли: «Пусть будет заключением и результатом всего нашего спора мысль, что царь имеет преимущество в политических делах, а Патриарх — в церковных». По словам Паисия Лигарида, «все рукоплескали и зывали: «Многая лета нашему... государю, многая лета и вам, святейшие Патриархи»»²⁰². После этого Павел Крутицкий и Иларион Рязанский подписали соборное деяние о низложении Патриарха Никона.

Такое решение получил на сей раз этот исключительной важности русский спор. Нельзя не отметить, что это был более компромисс, своего рода дипломатический маневр Вселенских Патриархов, чем серьезное решение. Как уже отмечалось, до тех пор в православной России, по естественно сложившейся практике жизни, великий князь (или царь) преимущественно нес ответственность за мирские «политические» дела, а митрополит (или Патриарх) — преимущественно за дела церковные, но оба они в конечном счете были ответственны за всё и всё решали в совете и согласии друг с другом (в едином православном обществе иначе и быть не могло!). Хотя формула Собора 1667 г. довольно удачно выражалась о «преимуществе» царя в политических, делах, а Патриарха — в церковных, но, не восполненная утверждением об их единстве и всеобщей ответственности за всё, создавала опасность разделения, рассечения единой русской общественной жизни (где церковность была «полнотою Наполняющегося») вся во всем») на две сферы или части. В последующей истории это сказалось очень пагубными последствиями, приведшими при Петре I к полному расколу духовной жизни всего общества. И тем не менее даже такое решение Собора 1667 г. явилось победой Никоновского дела: царь лишился возможности самовольно управлять церковными делами!

Собор вынес также еще одно важное постановление: «Архиереев, архимандритов, игуменов, священников и диаконов, монахов и инокинь, и весь церковный чин и их людей *мирским людям ни в чем не судить*, а судить их во всяких делах архиереем, каждому в своей епархии, или кому повелят *от духовного чина*, а не от мирских»²⁰³. На основании этого постановления Алексей Михайлович, хотя и не сразу (как бы нехотя), вынужден был упразднить «Монастырский приказ». Это также явилось большой

победой Патриарха Никона, столь много сил и лет отдавшего борьбе против этого учреждения, как оно было определено Уложением 1649 г.

Никон лишился сана, власти, земного благополучия, но его борьба против поползновений монархии самочинно управлять делами Церкви увенчалась полным успехом! Расправа лично над Никоном явилась как бы той «данью», которую нужно было за это заплатить, и Никон ее заплатил!